

Министерство обороны СССР

**Военно-исторический журнал
1977 №03**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 355/359
ББК 68
М61

М61 **Министерство обороны СССР**
Военно-исторический журнал 1977 №03 / Министерство обороны СССР – М.:
Книга по Требованию, 2021. – 129 с.

ISBN 978-5-458-67361-7

Ежемесячный журнал Министерства обороны СССР (позднее РФ).

ISBN 978-5-458-67361-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

прежде всего жизнь долга; долг — душа военной службы; храбрая армия состоит из людей, преисполненных чувства долга; долг — знания плюс действие; основой характера солдата является верность долгу, который указывает, что нужно делать, и ведет к осуществлению принятого решения. Во всех военных документах высшей похвалой считалось признание верности долгу. Долг не отвлеченное понятие. Оно всегда имеет конкретно-историческое содержание.

Подготавливая войска к агрессивным действиям, современные милитаристы громко кричат о долге. Абстракция долга в данном случае служит целям империалистической экспансии, является ширмой, прикрывающей интересы господствующего класса, несовместимые с интересами подавляющего большинства. Для империалистической буржуазии понятие долга — демагогическая фраза, не отвечающая истинному общественному значению. Дежурные выражения «долг воина», «солдатский долг», «долг службы» в агрессивной армии выражают интересы не общества, нации в целом, а эксплуататорского класса, касты империалистических хищников. Необходимо срывать этический покров с захватнических антинародных замыслов буржуазии, которая «ставит все свои политические требования абстрактно, огульно, «безусловно», с точки зрения интересов «всего народа» или даже с точки зрения вечного нравственного принципа-абсолюта»⁷, чтобы скрыть конфликт своих классово-эгонистических интересов с прогрессом человечества.

Полководцы и военные теоретики прошлого, за небольшим исключением, моральный дух войск признавали серьезнейшим фактором победы. Крылатой стала фраза Наполеона: «Духовные силы относятся к физическим как три к одному». Она как бы утверждала, что состояние духа оказывает решающее влияние на военные силы, что на первом месте стоит человек с его нравственной энергией, что храбрость солдат важнее их численности и что победит тот, кто сам способен решиться на смерть во имя победы. По мере накопления опыта ведения войн внимание к моральным силам людей возрастало.

Многие военные теоретики прошлого, хотя и рассматривали моральный фактор в отрыве от социально-экономических условий и классовых отношений, общественного строя государства и политических целей войны, более или менее отчетливо выразили ту мысль, что моральный перевес может в значительной степени восполнить недостатки в других элементах боевой мощи войск.

Высказывались и прямо противоположные взгляды. В периоды прогресса в развитии науки и техники рождались иллюзии всеисилия технических средств. В свое время русский историк В. Ключевский был настолько увлечен достижениями химии, что писал: «Впредь будут воевать не армии, а учебники химии и лаборатории, а армий будут нужны только для того, чтобы убивать по законам химии снарядами лабораторий»⁹.

В современной буржуазной литературе абсолютизация технического могущества часто является выражением неуверенности в «человеческом материале» империалистических армий. «В термоядерной войне бессмысленно понятие храбрости, поскольку последние следы контакта с врагом окончательно исчезают. Воин превращается в составную часть системы вооружения... Смерть может настичь его в любой момент, но положение героя ничем не отличается от положения труса. Героев нет, есть только жертвы»¹⁰.

Правда, в последние годы по мере роста военной мощи нашей стра-

⁷ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 7, с. 235.

⁹ Забытым быть не может. М., 1963, с. 136.

¹⁰ Anatol Rapoport. Strategy and conscience. New York, London, p. 256.

ны смолкают голоса тех военных теоретиков империализма, которые в период атомной монополии США говорили, что это оружие сводит к нулю моральные ценности человека, потому что ставит его «в положение крысы для лабораторных исследований». Теперь идеологи империализма все чаще выступают с признанием решающего значения в атомной войне морального состояния воинов. Последнее время все больше подвергаются критике мания технического величия, иллюзорные надежды мощью машин заменить слабость боевого духа солдат.

Подлинно научную оценку роли морального фактора во взаимосвязи его с другими факторами, в том числе техническим, дала марксистско-ленинская наука. Основоположники научного коммунизма учат руководствоваться принципом единства морально-политического и военно-технического анализа проблем войны и армии, необходимостью комплексно оценивать военные возможности воюющих сторон, т. е. иметь представление и о морально-политическом состоянии армии и народа, и о вооружении и технике. Ф. Энгельс в свое время отмечал, что французская армия в период франко-прусской войны, например, не могла противопоставить противнику ничего, кроме славных традиций и врожденной храбрости солдат, а одного этого недостаточно, чтобы «армия оставалась первоклассной»¹¹.

Анализируя войны новой эпохи, В. И. Ленин не раз возвращался к этому выводу Энгельса. Никакая сплоченность массовой борьбы, писал В. И. Ленин, не может дать перевеса в эпоху скорострельных малокалиберных ружей, машинных пушек, сложных технических устройств на судах¹². Научно-технический прогресс в военном деле придал еще большую остроту этим положениям.

В условиях современной войны, как бы ни была значительна роль морального фактора, чрезвычайно вредно и опасно недооценивать существующие средства поражения.

Марксизм-ленинизм предостерегает от абсолютизации роли как человека с его морально-политическими качествами, так и техники в войне. Главное — в социальном климате, в тех условиях, которые являются ареной развития и человека, и техники.

В империалистических странах научно-технической революции сопутствует моральная деградация в масштабе государства и в области личных взаимоотношений. Научный прогресс здесь приобрел одностороннее, милитаристское направление, ускорил процесс духовного одичания личного состава империалистических армий. Новая техника вооружила их чувством силы и в не меньшей степени облекла аморализм в еще более изощренные формы.

Величайшие преимущества социализма в военном отношении заключаются в гармоническом развитии обеих революционных сторон военного дела: нового оружия и человека высоких морально-политических качеств. Наука и техника развиваются одновременно с ростом производительных сил общества и расцветом духовных сил народа. Моральный фактор армии формируется в благоприятных условиях единства научно-технической революции с нравственным совершенствованием строителей коммунистического общества.

Как бы ни была прочна связь морального фактора со всеми другими факторами, в конечном счете остается незыблемой истина: главной и решающей силой войны остается человек. Современные самолеты, танки, корабли, ракетно-ядерное оружие — это лишь инструменты, которые не сужают, а расширяют возможности людей. Становится еще более значи-

¹¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 17, с. 99.

¹² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 9, с. 155—156.

тельной творческой силой человека, так как техника, взяв на себя многие механические функции, дает простор для его мысли.

Моральный фактор как область духовных сил человека в действии характеризуется единством идейности, чувств, направленности воли и привычек, взаимодействующих друг с другом. В диалектической взаимосвязи элементов морального фактора доминирующая роль принадлежит идеологическому компоненту.

Идейные мотивы придают действию людей целеустремленность, готовность преодолеть любые трудности на пути достижения высокой цели.

Глубоко не правы те военные теоретики империализма, которые считают, что в пылу сражения «уходит сознание» и что идеал «перестает быть осязательным» в момент залпа или атаки. Конечно, человек, ведущий бой, может в это время от многого отключиться. Но это не свидетельствует о потере идейной нити сознания. Наоборот, это доказывает, что побудительная идея овладела всем существом воина и он сосредоточил все духовные и физические силы на решении сознательно поставленной главной задачи.

Замечательным свидетельством того, что идея не «уходит», а становится фокусом мыслей и желаний, могут служить слова, написанные на стене Брестской крепости ее героическими защитниками, которые приняли на себя удар во много раз превосходящих сил противника: «Умрем, но из крепости не уйдем!» Когда создается тяжелая ситуация, советский патриот ищет опору в своих взглядах, идеях, нравственных принципах.

Идейность предполагает, таким образом, осуществление конкретных дел. XXV съезд КПСС особо подчеркнул, что коммунистическая идейность — это сплав знаний, убеждений и практического действия.

С трибуны XXV съезда КПСС прозвучали вдохновенные слова Генерального секретаря Центрального Комитета нашей партии Л. И. Брежнева о героическом подвиге советского народа в Великой Отечественной войне, о несокрушимости его духовных сил.

Идейная закалка, высокая морально-политическая подготовка личного состава позволяли военному руководству ставить перед Советскими Вооруженными Силами сложные задачи и быть уверенным в их выполнении. Существует теснейшая связь между моральными возможностями страны и возможностями военной стратегии, оперативного искусства и тактики. Грандиозные стратегические планы Верховного Командования в период Великой Отечественной войны опирались прежде всего на высокий моральный дух народа и армии. И Советские Вооруженные Силы продемонстрировали ярчайшие образцы решительной и гибкой стратегии.

Замечательным выражением идейной зрелости, высоких моральных сил личного состава армии и флота явилось военное творчество масс. История не знала примеров, когда в короткий срок и в такой тяжелой обстановке армия достигла бы столь крупных успехов в военных действиях, намного опередив противника в овладении средствами и формами вооруженной борьбы. В условиях быстрого прогресса военной науки и техники сознательность советских людей и ясное понимание ими целей войны породили энтузиазм и творческую энергию, определили глубину воздействия солдат и офицеров на развитие военного искусства.

Генерал Э. Пети, бывший начальник французской военной миссии в СССР, исходя из личных наблюдений, признавал: «Советские офицеры всегда отличались разумной, смелой и действенной инициативой, умением практически применять свои знания в сложных условиях боя... Даже при таких сложных операциях, как окружение крупных немецких соединений (так было, например, в Сталинграде), проникновением подразделений в расположение противника с целью его внезапного и полного

уничтожения нередко руководили младшие командиры и даже простые солдаты»¹³.

В современных условиях с созданием ракетно-ядерного оружия возникли новые моменты в соотношении моральных и материальных сил в войне. Новое следует искать не в преобладании технического или морального фактора, а в одновременном возрастании их роли, в их более глубоком и сложном взаимопроникновении.

С военно-технической точки зрения качественные преобразования в вооруженных силах имеют сравнительно четко выраженные грани, которые в ряде случаев могут получить точное количественное определение. Например, всегда можно подсчитать, во сколько раз современная мотострелковая дивизия превосходит дивизию 40-х годов в танках, бронетранспортерах, автоматическом оружии и т. д. Сдвиги в духовном мире человека происходят по иным законам. У моральных ценностей другой характер преемственности. Давно, например, ушли в прошлое клинок и трехлинейка, тачанка и бронепоезд, перестали соответствовать современным требованиям некоторые приемы управления боем. Однако никогда не померкнет доблесть самоотверженных бойцов революции, не перестанут быть вдохновляющим примером поступки тех, в ком билось и бьется беспокойное, пламенное сердце большевика. Вечно живы подвиги, высокие порывы сильных духом. Нас одинаково волнуют славные дела Чапаевцев и героизм защитников Бреста, мужество космонавтов и самоотверженные поступки воинов на учениях, в морских походах, полетах.

Революционные преобразования в военном деле не отменяют, а обогащают общую закономерную зависимость военной мощи государства, хода и исхода военных действий, войны в целом от политико-морального состояния населения и армии. Более совершенное оружие требует более качественного человеческого материала. «...Когда вокруг бушуют волны технической революции...» — писал Ф. Энгельс, — нужны более свежие, более смелые головы...»¹⁴.

Современная война предъявляет повышенные требования к идейно-политической зрелости личного состава войск. Применение мощных технических средств придает вооруженной борьбе невиданную остроту. Существует закономерность: чем мощнее и совершеннее оружие, тем активнее и решительнее способы осуществления политических целей.

Только высокосознательные воины, безгранично преданные делу коммунизма, способны правильно оценить свое место в строю, с глубоким сознанием долга отдать борьбе с врагом все силы, энергию, ум, талант, весь жар сердца.

Революционные преобразования в военном деле предъявляют повышенные требования к овладению военно-техническими знаниями.

В современной войне в большей степени, чем прежде, успех возможен при наличии людей, способных со знанием дела использовать новейшие достижения военной техники. Теперь нельзя даже представить себе воина без основательной интеллектуальной подготовки, без активного запаса мобилизованных знаний и умения оперировать ими. В памяти каждого должны быть слова В. И. Ленина: «Учиться надо тому, что без машины, без дисциплины жить в современном обществе нельзя, — или надо преодолеть высшую технику, или быть раздавленным»¹⁵.

Развитие боевой техники увеличивает интеллектуальную нагрузку на воина. Овладение физикой, математикой, химией и другими науками стало неотъемлемой частью профессиональной подготовки офицерских кад-

¹³ «Красная звезда», 1963, 19 февраля.

¹⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 22, с. 395.

¹⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, с. 116.

ров. Совершенных знаний требуют новые специальности, возникшие с появлением и использованием в войсках радиоэлектроники, вычислительной техники, автоматики.

Современное оружие, как оружие группового, коллективного пользования, требует не только глубоких, но и разносторонних знаний. Теперь особенно остро стоит вопрос взаимозаменяемости, ведется упорная борьба за освоение смежных специальностей в ракетных, танковых, артиллерийских и других расчетах. Разносторонние навыки, кроме того, должны быть прочными. Так, например, летчик современного одноместного сверхзвукового истребителя одновременно выполняет обязанности пилота, штурмана, техника, стрелка, радиста, топографа, метеоролога. Чтобы быть на уровне современных требований, необходим постоянный, напряженный интеллектуальный труд.

Революционные преобразования в военном деле накладывают глубокую печать и на стиль мышления военнослужащего. Сложность военной техники, напряжение боя, быстрое изменение обстановки, обилие случайностей обуславливают необходимость творческого склада мышления, горения мысли, полета воображения, настойчивых поисков нового.

В современной маневренной войне, когда условия в любой момент могут круто измениться и потребовать новых решений, немедленных активных действий в рамках поставленной задачи, дух творческого дерзания и энтузиазма особенно важен.

В военной области развитие идет по пути быстрого коренного изменения или даже полного обновления претерпевших моральное устаревание предметов деятельности, путей, методов и средств их использования.

В новых условиях особое значение приобретают положительные качества человека: самостоятельность, целеустремленность, организованность и дисциплинированность мышления, способность в ограниченное время безошибочно избрать кратчайший логический путь решения задачи, многогранность интеллектуального процесса (командир должен обладать аналитическими способностями, умением правильно разобраться во всей сложности явлений, воссоздать целостную картину боя, определить план действий, непременно обладающий простотой и четкостью), мобильность, динамичность, способность использовать в условиях крайне ограниченного времени весь комплекс ранее приобретенных знаний, накопленный ранее опыт и исключительно быстро реагировать на происходящие изменения; способность предвидеть развитие событий и принять решение до того, как система аргументации будет облечена в словесную форму, т. е. требуется мгновенное обобщение, своеобразное словесное замыкание непосредственно от исходных данных к результатам.

Внедрение совершенных средств автоматизации боевой техники вносит существенный элемент нового в управление войсками. В наши дни многие задачи с успехом могут быть решены электронно-вычислительной машиной, которая способна молниеносно, с большой точностью производить сложнейшие вычисления.

Но как бы ни расширилась сфера применения автоматики в военном деле, техника не заменит человеческих мыслительных процессов. Электронно-вычислительная техника, средства механизации, автоматизации и оперативно-технических расчетов дают человеку не готовое решение, а лишь количественные данные для его принятия. Последнее слово остается за умелым, знающим, опытным человеком.

Рассмотрим возросшие требования к моральным силам воина на примере дисциплинированности, которая представляет собой устойчивый сплав морально-политических, интеллектуальных, эмоциональных, волевых качеств человека. В дисциплинированности, как в фокусе, отражаются моральные силы воинов Советских Вооруженных Сил.

В современной войне особенно необходимы гибкость организации войск, единство воли и такое точное выполнение приказов и распоряжений, какого никогда еще не знала история армий. Время стало несравненно дороже, а любые упущения — губительнее.

Как известно, в подготовке пуска ракет участвуют различные специалисты, и среди них нет ни одного, выполняющего второстепенную работу. Общие результаты их действий могут быть хорошими лишь при условии, если все вместе и каждый в отдельности мастерски владеют сложной техникой, проявляют решительность, инициативу, стойкость. Чтобы добиться слаженности всех звеньев армейского коллектива, необходима безусловная исполнительность.

В современной войне нужна такая высокая степень духовной и физической стойкости, исполнительности, при которой выполнение воинского долга превращается в веление совести. Дисциплина как главное выражение воинского долга становится самодисциплиной.

Самодисциплина — осознанная необходимость требований советского воинского долга, превратившегося в добровольно принятый и внутренние значимый мотив деятельности. Это внутренняя готовность всегда и во всем согласовывать свои действия с требованиями присяги, уставов, принципов морального кодекса строителя коммунизма, целиком подчинять свои интересы интересам защиты социалистического Отечества. В годы Великой Отечественной войны наши части иногда теряли связь между собой. Но, находясь в тылу врага, советские воины превращали в крепость каждый подвал, чердак, груды развалин. Гарнизоны таких крепостей нередко состояли из двух-трех бойцов, и все-таки они сражались. Наши воины дрались с врагом до последней возможности и в одиночку.

Подвиг без свидетелей — высокий показатель прочности внутренней дисциплины человека, его моральных и политических качеств. На глазах начальника или коллектива легче показать свою исполнительность, верность долгу. Труднее это сделать без свидетелей. Это очень важно, потому что боевые действия в современных условиях войны часто могут принимать очаговый характер. В ряде случаев задачи будут выполняться небольшими по численности отрядами или даже отдельными воинами.

Каждый воин из ракетного расчета, решая задачи подразделения, находится, по существу, один на один с прибором, агрегатом. Связистам приходится работать на большой территории не только подразделениями, командами, расчетами, но и поодиночке. Следовательно, в современном бою каждый воин может оказаться вне непосредственного контроля командира. Тогда им становится совесть, рожденная чувством самодисциплины, ненависти к врагу. И только в том случае, когда воинский долг и совесть в сознании объединятся, когда связь между ними станет внутренней, неразрывной, воин сможет морально подняться до уровня требований сегодняшнего дня.

Применение современного оружия требует исключительной морально-психологической стойкости. Дело в том, что в тяжелых условиях психическое напряжение человека может превзойти его физическую силу, как бы она ни была велика. Морально стойкий воин способен продолжать борьбу, даже преодолевая боль ранений. Но если человек психически надломлен и его нервы сдали, он теряет самообладание, перестает быть боевой единицей.

«...Когда я сознаю совершенную потерю духа, я паду» — эту мысль А. Герцен считал величайшей истиной, так как с потерей мужества теряется все и «лучше бы тогда совсем не родиться»¹⁶.

¹⁶ А. И. Герцен. Сочинения, т. 9. М., 1958, с. 10—11.

Единство цели и воли не исключает внутренней борьбы, подчас острой и напряженной. Иногда мы слышим или читаем: «Не зная страха, воины рвались в бой...» Это бездумная фраза. Трижды Герой Советского Союза генерал И. Кожедуб, который во время Великой Отечественной войны проявил несокрушимую стойкость, откровенно, без всякой рисовки сказал, выступая перед многомиллионной аудиторией телезрителей, что, когда он увидел приближавшийся к крылу его самолета фашистский истребитель, у него «мороз по коже пробежал».

Развитое сознание воинского долга, морально воспитанная воля не могут вообще исключить страх из переживаний человека, но помогают его преодолеть.

В период Великой Отечественной войны советские воины показали невиданные образцы выдержки. Наши летчики, например, опровергли математические расчеты «мертвой зоны». Проявляя непревзойденное самообладание, они совершали, казалось, невозможное: наносили таранные удары, сохраняя в бою свои машины, «отворачивали самолеты буквально за несколько метров от противника, расстреливая его в упор»¹⁷.

Революционные преобразования в военном деле, предъявляющие повышенные требования к морально-политическим и боевым качествам личного состава, определяют и новый, более высокий уровень воспитательной работы.

Войска живут и действуют по уставам, выполнение которых обеспечено силой государственной власти. Но только тогда воин оказывается на высоте современных требований, когда уставные нормы сливаются с его внутренней потребностью и все законы и приказы он исполняет не за страх, а за совесть. Поэтому необходимо максимально сблизить нормы долга с реальным уровнем нравственного поведения воинов.

Эта задача решается комплексным подходом к постановке процесса воспитания. XXV съезд КПСС с особой силой подчеркнул принципиально важное положение — обеспечить тесное единство идейно-политического, трудового и нравственного воспитания. В этом нашла свое конкретное выражение ленинская идея единства обучения и воспитания.

«Верность марксизму-ленинизму, — говорится в постановлении ЦК КПСС «О 60-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции», — его могучему, жизнеутверждающему творческому духу — важнейшее условие и гарантия успехов в коммунистическом созидании, в борьбе за интересы рабочего класса, всех трудящихся».

В армейских условиях искусство воспитания воинской доблести играет не меньшую роль, чем военное искусство. Только единство обучения и воспитания может обеспечить гармоническое развитие личности и, таким образом, не только подготовить мастера своего дела, но и сформировать человека, для которого требования долга — зов сердца.

Дальнейшее повышение морально-боевых качеств советских воинов во многом связано с усилением активности воспитательной работы, заострением оружия идеологической борьбы. Грандиозные достижения советского народа во всех областях производственной, политической и культурной деятельности открывают перед командирами, политорганами, партийными и комсомольскими организациями новые, более широкие возможности улучшения идеологической работы, усиления ее роли в решении задач коммунистического воспитания личного состава.

¹⁷ К. К. Платонов. Психология летного труда. М., 1960, с. 197.

Некоторые вопросы организации взаимодействия войск в армейской наступательной операции

*Доцент, кандидат военных наук
полковник Г. ЗУБАРЕВ*

В ГОДЫ Великой Отечественной войны взаимодействие войск как одно из основных условий достижения успеха постоянно развивалось и совершенствовалось. В ходе ее прошли проверку все теоретические положения и практические рекомендации довоенного оперативного искусства по вопросам организации и поддержания тесного взаимодействия. Сущность взаимодействия определялась Полевым уставом РККА 1939 года. В нем указывалось: «Взаимодействие родов войск в наступательном бою заключается в таком объединении их усилий, которое направляет боевые действия к достижению общей цели: обеспечивает пехоте постоянную и непосредственную поддержку артиллерии, танков и авиации на весь период боя и создает прочные основы для доведения его совместными усилиями до полного прорыва оборонительной полосы противника на всю глубину. Все взаимодействие организуется в интересах пехоты»¹.

На развитие искусства организации взаимодействия оказывали влияние такие факторы, как: появление новых и модернизация существующих образцов вооружения и боевой техники, изменение организационной структуры войск, характер военного искусства противника, накопление боевого опыта командным составом и т. д.

Рассмотрим некоторые вопросы организации взаимодействия по периодам Великой Отечественной войны.

В первом периоде войны, особенно в летне-осенней кампании 1941 года и зимней кампании 1941/42 года, организация взаимодействия войск осуществлялась в соответствии с теорией глубокой наступательной операции. В ее основе была заложена идея одновременного поражения противника на всю глубину его обороны путем массированного применения артиллерии, авиации, танков, пехоты и воздушных десантов. Организация взаимодействия согласно Временному наставлению по полевой службе штабов 1935 года была функцией не командира, а штаба. В статье 13 указывалось, что «начальник штаба лично организует и обеспечивает взаимодействие родов войск»², а командир дает лишь самые общие указания.

¹ Полевой устав РККА (Проект). Воениздат, 1939, с. 154.

² Временное наставление по полевой службе войсковых штабов. М.—Л., изд-во НКО СССР, 1935, с. 11.

Руководствуясь этими положениями при подготовке армейских наступательных операций, наши командные кадры решали вопросы взаимодействия без должной конкретности и целеустремленности и, как правило, по карте. Это объяснялось прежде всего тем, что командующие армиями не располагали достаточными силами и средствами для успешного выполнения поставленной задачи, слабо изучали группировку и характер обороны противника, а имеющиеся стрелковые дивизии использовали рассредоточенно. Немаловажным фактором был недостаток времени на подготовку боевых действий. Армейские операции в этот период проводились с ограниченными целями и готовились, как правило, в короткие сроки.

Проследим организацию взаимодействия на примере 24-й армии (командующий генерал-майор К. И. Ракутин, начальник штаба генерал-майор А. К. Кондратьев) при подготовке Ельнинской наступательной операции (август 1941 г.), которая имела целью разгромить немецко-фашистскую группировку в так называемом ельнинском выступе. Командующий армией и штаб из-за ограниченного времени, отведенного на подготовку операции, не провели рекогносцировку местности, а вопросы взаимодействия между дивизиями увязали по карте. Командиры соединений согласовывали усилия своих частей также по карте. 107-я стрелковая дивизия и другие части несвоевременно заняли исходное положение для наступления. В результате атака получилась неодновременной, что значительно ослабило первоначальный удар армии. Из-за отсутствия четкого взаимодействия пехота отстала от подразделений 102-й танковой дивизии³ и не использовала их успех, а танки отошли назад, вместо того чтобы подавлять огневые точки своим огнем. Поэтому соединения армии за два дня продвинулись только на 2 км. Не были согласованы усилия между северной и южной ударными группировками, не указаны рубеж и сигналы их встречи³. Подобные недоработки в организации взаимодействия отмечались и в других армейских наступательных операциях того времени.

Исходя из опыта подготовки и ведения боев в первые месяцы войны, Ставка Верховного Главнокомандования дала ряд указаний по организации боевых действий, в том числе и по вопросам взаимодействия. В директиве от 29 сентября 1941 года она указывала, что «...в ряде случаев неуспех наших наступательных боев и операций является прямым следствием их плохой организации и подготовки. Решения принимаются по карте, без предварительной рекогносцировки местности и разведки обороны противника. Взаимодействие родов войск организуется поспешно и также без учета условий местности и их влияния на использование родов войск в бою».

Ставка ВГК приказала:

«1. Не допускать принятия решения на наступление командующими армиями, командирами дивизий, полков и батальонов без личной, тщательно организованной командирской рекогносцировки противника и местности.

Требовать и проверять, чтобы в ходе рекогносцировки командование лично изучало противника, его группировку, особенно местность на направлении главного удара...

2. Не допускать начала наступления без проверки того, как организовано взаимодействие частей и родов войск. Требовать от командиров, организующих взаимодействие, чтобы они:

— точно знали боевой состав и задачи поддерживающей артилле-

³ ЦАМО СССР, ф. 219, оп. 679, д. 39, лл. 51—59; д. 72, лл. 142—150.

рии, танков и авиации, исходные, огневые позиции и аэродромы, моторесурс танков и летно-технический ресурс авиации;

— лично на местности ставили задачи по взаимодействию, устанавливали сигналы и проверяли правильность их усвоения подчиненными;

— вместе с пехотными, артиллерийскими и танковыми командирами на местности уточняли направления и объекты атаки, подавления и уничтожения;

— постоянно держали авиацию в курсе обстановки, устанавливали порядок обозначения своих войск, их передовой линии, порядок показа целей авиации в ходе боя;

— организовывали прочное прикрытие своих боевых порядков зенитной артиллерией и авиацией...»⁴.

Важное значение для организации взаимодействия имела директива Ставки ВГК № 03 от 10 января 1942 года, в которой указывалось на необходимость действовать ударными группами и организовывать эффективное артиллерийское обеспечение (вместо артиллерийской подготовки требовалось проводить артиллерийское наступление, где артиллерия должна наступать вместе с пехотой). В приказе № 057 от 22 января 1942 года Ставка ВГК указывала на необходимость умелого использования в операциях танковых частей и соединений, организацию взаимодействия их с пехотой, артиллерией и авиацией. Эти документы сыграли положительную роль в развитии искусства организации взаимодействия войск.

Так, при подготовке наступательных операций 4-й ударной армии (Торопецко-Холмская операция, январь 1942 г.) и 31-й армии (Ржевско-Сычевская операция, август 1942 г.) командующие армиями соответственно генерал-полковник А. И. Еременко и генерал-майор В. С. Поленов поставили боевые задачи соединениям и частям на первый день операции во время рекогносцировки. Здесь же на местности на направлении главного удара (в пределах видимости) организовали взаимодействие соединений первого эшелона между собой, а также с танками и армейской артиллерийской группой дальнего действия⁵. Но в этих операциях еще не был по-настоящему применен принцип массирования артиллерии. Организация взаимодействия ее с пехотой не была еще достаточно четкой.

Вышедшее в 1942 году Наставление по полевой службе штабов Красной Армии еще не полностью учитывало опыт разгоравшейся Великой Отечественной войны. В статье 171, например, указывалось: «Командир устанавливает основы взаимодействия; штаб производит расчеты, планирует и обеспечивает взаимодействие на всю глубину боя». В следующей статье отмечалось, что «работа штаба по планированию боя и организации взаимодействия включает: согласование усилий родов войск и частей боевого порядка по этапам боя, по задачам, по времени и по месту действий»⁶. Таким образом, вопросы взаимодействия по-прежнему продолжали оставаться функцией штаба, а не командира.

Во втором периоде войны был сделан шаг вперед в организации взаимодействия войск, внесены существенные коррективы в решение этой проблемы. Сущность организации взаимодействия заключалась в согласовании усилий пехоты и танков по задачам, направлениям, рубежам (объектам) и времени с огнем артиллерии, ударами авиации, а также с действиями соседей.

⁴ Сборник боевых документов Великой Отечественной войны, вып. 5. М., 1947, с. 6—7.

⁵ История военного искусства, т. 5. М., изд. ВАФ, 1952, с. 359.

⁶ Наставление по полевой службе штабов Красной Армии. М., Воениздат, 1942, с. 70.